

Глава 4. Проклятие Ян Линь.

Старик Е почмокал губами и еще раз проговорил, «Что ж... Иди, но будь осторожен в дороге. Хотя в стране по-прежнему мир, дорога жизни переполнена опасностями, а человеческие сердца могут хранить злобу. Помни, не нужно идти по трудным тропам и путешествовать ночью. Если ты попадешь в пустынный и отдаленный район, не уходи от других людей...»

Отец продолжал говорить в таком духе еще довольно долго, и Е Сяотянь как ни старался, не смог сдержать улыбку, «Папа, будь уверен, я все это знаю. Хоть твой сын и никогда не покидал дом и не посещал дальние земли, не стоит беспокоиться. Ты же не забыл, где твой сын работает? В тюрьме Министерства юстиции!»

«Какие люди сидят в тюрьме? У кого из них нет большого опыта? С трех лет я постоянно был с тобой на дежурствах в Небесной тюрьме. Три года назад я стал тюремщиком вместо тебя. После стольких лет общения с ограми и демонами, заключенными там, разве мог я ничего не перенять от них?»

Старик Е только рассмеялся в ответ на слова сына и проговорил, «Я прослужил в тюрьме всю свою жизнь. У тебя есть способности? Ха! Ты достаточно их тренировал? Но ты в чем-то ты и прав. Это хорошо иметь немного амбиций. Когда твой отец был юным, у него тоже были амбиции, но, к сожалению, он не смог их реализовать.»

Е Сяотянь с любопытством спросил, «Какие амбиции у тебя были?»

Отец смущенно улыбнулся, а потом рассмеялся, «Папа помнит времена старика Цзянцзина [1]. Тогда я ел танхулу[2] на улице и неожиданно увидел самого императора Цзянцзина совершающего инспекционную поездку с церемониальным оружием и впечатляющим ревом...»

Е Сяотянь не смог сдержаться от смеха, «Папа, не может быть, чтобы увидев такую сцену, ты в тот же миг не вздохнул тяжело и не сказал что-то вроде «Вот о ком говорят человек с характером» верно?»

Отец тоже смеялся, а затем ответил сыну, «Чушь! Не боишься ли ты остаться без головы после таких слов? И разве у твоего папы могли быть такие амбиции?»

Он вздохнул и погладил себя по ноге, прежде чем с новым вздохом вернуть к жизни теплые воспоминания, «В тот день твой отец стоял у дороги и смотрел на величественный наряд императора, который проезжал мимо на упряжке из восьми рослых белых лошадей, четырех рычащих львов и даже двух свирепых тигров».

«Я был очень завистлив и подумал, а как бы и мне суметь вырастить тигров, чтобы также эффектно выходить в люди? Я был зачарован идеей завести тигра. Потом, как будто в одно мгновение, прошло столько лет. Я уже стар, но так и не исполнил своего желания».

Он еще не успел договорить, когда из главной комнаты дома донесся крик, «Ты еще не закончил? Заканчивай уже свою лекцию! На что ты еще злишься и почему отказываешься есть? Твои сыновья будут смеяться над тобой за твое ребячество! Старый пук, выметайся оттуда! Если ты не хочешь есть, то твоя старуха больше не будет тебе готовить!»

Выражение лица старика Е сразу же изменилось и он спешно ответил, «Иду! Иду! Уже иду!»

А Е Сяотянь рассмеялся еще сильнее и сказал отцу, «Папа, ты уверен, что не исполнил своего желания?»

Сначала старый Е удивился такому вопросу, но немного погодя понял, о чем его сын говорит. Он ударил себя по лбу и со смехом выругал Е Сяотянь, «Ты вонючее отродье! Да если бы твоя мать услышала твои слова, то живого места бы на тебе не оставила!»

Е Сяотянь поднялся и прошел в главную комнату, в которой увидел ходящего из игла в угол старшего брата. Сяоянь робко покосился на отца, не смея выйти вперед. Е Сяотянь немедленно подошел к брату и взял его за плечо, затем проговорил с добротой в голосе, «Старший братец пойдем, давай поедим вместе. А после я схожу с тобой в дом невестки, чтобы уговорить ее вернуться».

Старик Е посмотрел на своего старшего сына и уже приготовился возразить, но заметив взгляд своей жены передумал. Он со злостью схватил печеную лепешку и безжалостно впился в нее зубами. Даже если бы старший Е и был могуч как тигр, то он все равно бы боялся тигрицы в своем доме.

У невестки Е Сяотянь и его старшего брата действительно были чувства друг к другу. Но нельзя было отрицать, что робкий и слишком простой характер ее мужа создавал некоторые осложнения. Сейчас, когда Е Сяоянь должен был вместо брата занять должность тюремщика, захотела бы она вернуться? Она чувствовала себя немного виноватой перед зятем из-за того, что он делал для нее и ее мужа, поэтому при встрече вела себя немного застенчиво и даже глупо.

После того как муж пришел к ней вместе с младшим братом, девушка сразу же согласилась вернуться домой. Е Сяотянь был доволен таким результатом и пошел вместе с ними, чтобы обсудить детали своего путешествия. Хоть Е Доу-ши и была жесткой с мужем, дети от нее видели только любовь. Она тоже никогда не покидала пределов столицы. Мысли об отъезде сына и о трудностях, с которыми он столкнется на своем пути, наполняли ее глаза слезами.

В результате у Е Сяотянь пришлось первым делом утешить мать, а обсуждение подробностей с отцом и братом перенести на следующий день. Ян Линь только что съел свой последний ужин, так что сегодня его приговор не будут приводить в исполнение. Тем не менее, казнь была назначена на раннее утро, и у осужденного оставалось совсем немного времени, чтобы насладиться угощением.

На рассвете его вместе с другими приговоренными посадят в телегу, запряженную старым быком, и на глазах у всех отправят к лобному месту, к которому они прибудут к полудню. Так что Е Сяотянь нужно было рано утром успеть в Небесную тюрьму, чтобы получить от Ян Линь его завещание.

На рассвете следующего дня старший Е и два его сына оставили дом. У каждого было свое задание. Отец собирался пойти в окружную канцелярию ямэнь, чтобы узнать о возможности для его сына получить разрешение на отъезд. На самом деле во времена Ваньли ограничения на путешествия для простых людей не были такими строгими как в период ранней династии Мин. Тем не менее, имея официальное разрешение на поездку, гораздо проще было пересекать контрольно-пропускные пункты и останавливаться в гостиницах. Что же касается Е Сяотянь и Е Сяоянь, то они направились в тюрьму Министерства юстиции, чтобы сразу оформить передачу должности.

Ранним утром людей на улицах было немного, и встретить можно было только рабочих, перевозящих табуретки, и фермеров, которые на телегах везли в город овощи. Другие повозки в это время на улицах Пекина попадались совсем редко.

Е Сяотянь видел город таким каждый день. Но сегодня эта привычная сцена казалась ему особенно дорогой, ведь он не знал, когда в следующий раз увидит все это. Ему казалось, что префектура Цзинчжоу в провинции Хугуан находится на другом конце света...

В камере тюрьмы Черное слово в самом углу сидел Ян Линь, держась за свои колени. Он по глупости надеялся, что над его головой происходила потасовка, которая поможет ему видеть лучше как и в другие разы, когда он предсказывал свое будущее с помощью И Цзин. Его ладонь поглаживала несколько блестящих камешков, лежавших рядом с ногами.

Е Сяотянь встал перед решеткой тюремной камеры и тихо посмотрел на узника, а затем позвал его, «Господин Ян!»

Ян Линь медленно поднял голову, услышав свое имя. На его лице при виде Е Сяотянь отразилось полное недоумение. Но даже при этом его взгляд был полностью сосредоточен и не отпуская юного начальника тюрьмы. Е Сяотянь нахмурился и немного взволнованно сказал, «Господин Ян, что касается вашей просьбы... Я готов это сделать.»

От этих нескольких слов измученное тело Ян Линь наполнилось энергией подобно тому, как сухая трава наливается силой от дождя. Он подбежал к решетке камеры и возбужденно спросил, «Сделаешь? Ты действительно сделаешь это?»

Е Сяотянь кивнул. Он достал небольшую коробку, которую принес с собой, и ответил, «Здесь бумага, кисть и чернила для письма». Пожалуйста, торопитесь, в любой момент за вами могут прийти».

Последняя фраза могла показаться немного грубой, но времени на сантименты уже не было. Бегуны ямэнь ждали, чтобы отвезти Ян Линь к лобному месту. Проявляя уважение к прежнему положению узника в обществе, они не забрали его сразу же. А чтобы скрасить их ожидание, Е Сяотянь смазал им ладони небольшой компенсацией.

Ян Линь быстро кивнул, а его старые трясущиеся руки открыли коробку. Он достал из нее письменные принадлежности, расправил бумагу на полу и окунул кисть в чернила. Его взгляд был сосредоточен, но вскоре слезы полились из глаз.

Е Сяотянь больше не торопил старика. Он понимал, что отвлекать узника в такой момент будет жестоко. К счастью Ян Линь тоже понимал, что время на исходе. Он не откладывал больше и вскоре закончил писать свое завещание, а слезы за это время высохли, оставив следы на щеках.

Его манера письма напоминала движущиеся облака и бегущую воду. Закончив, он осторожно подул на письмо с завещанием, которое в некоторых местах было смочено его слезами, затем бережно сложил документ. Проложив все это, заключенный повернулся обратно к тюремной решетке и сказал Е Сяотянь, «Я написал подробно адрес по которому нужно доставить письмо. Про награду там тоже сказано».

Е Сяотянь кивнул и спрятал письмо в нагрудном кармане. Потом он забрал коробку с принадлежностями для письма и сказал Ян Линь, «Прощайте!»

«Подожди минуту!»

Ян Линь неожиданно протянул руку и схватил Е Сяотянь за запястье. В выражении лица

заклученного на секунду промелькнула злоба.

Е Сяотянь нахмурился прежде чем спросить, «Господин Ян, вам нужно еще что-нибудь?»

Ян Линь неожиданно прокусил собственные пальцы и с помощью крови, которая из них полилась, нарисовал три ряда странных знаков на запястье Е Сяотянь. При этом он бормотал на языке, которого тюремщик не понимал.

Е Сяотянь не сопротивлялся. Он в изумлении смотрел на то, как узник чертит кровью знаки на нем, произнося странные слова. Дождавшись, когда старик закончит, он спросил, «Я просто доставляю письмо. Нужны ли такие предосторожности? Могу ли я спросить у господина Ян какое благословение он использовал, чтобы защитить меня?»

Ян Линь тяжело вздохнул, а потом его ввалившиеся щеки растянулись в подобии улыбки, «А кто сказал, что это благословение? Это один из видов проклятий с южных земель, которые я выучил. Оно использует кровь как проводник, жизнь как топливо, а чье-то последнее желание как руководство. Это проклятие можно применить только один раз в жизни!»

Е Сяотянь был поражен тем, что услышал, и спросил, «Проклятье? Но я думал, что вы пишете защитное заклинание на моей руке. Кого же вы собрались проклинать?»

Ян Линь посмотрел на него с подозрением и проговорил, «Я написал его на твоей руке, так естественно я тебя и проклинаяю!»

Е Сяотянь был сражен ответом. Еще некоторое время он пытался уложить услышанное в своей голове, а потом неожиданно задрожал и начал кричать, «Ты проклинаяешь меня?! У меня нет к тебе ни обиды, ни ненависти! Я даже согласился отправиться за тысячу километров, чтобы доставить твое письмо, но ты зашел настолько далеко, что проклял меня?!»

Ян Линь холодно улыбнулся в ответ, «Успокойся. Пока ты следуешь своему обещанию, проклятье не действует. Но в случае если ты нарушишь слово и не доставишь мое письмо...»

Голос Ян Линь наполнялся злобой по мере того как он продолжал, «Независимо от твоих намерений, если ты не выполнишь мою просьбу, не сделаешь то, о чем мы договорились, проклятье немедленно оживет. С того самого момента ты будешь обречен на жизнь в нищете, что бы ты не планировал, все будет получаться с точностью наоборот, ты потеряешь своих родных и умрешь, не сумев закрыть глаза!»

Ночная тьма все еще таилась по углам и атмосфера внутри Небесной тюрьмы была мрачной и холодной. От этого казалось, что голос Ян Линь превращается в стон, который напоминал ледяной поток ветра, проникающий прямо в сердце.

Однако Е Сяотянь не смог удержаться от смеха, «Хорошо, Хорошо! Мой господин Ян, смерть уже рядом, а вы все еще верите в подобные вещи. В последний раз, когда вы предсказывали мое будущее по строению костей, то вы сказали мне, что мое сложение очень крепкое и мне не нужно бояться ни богов ни демонов. А может ли ваше проклятье вообще сработать на мне?»

Ян Линь неожиданно осознал это и ударил себя по лбу, «Это так! Это так! Старик чуть было не забыл про это! Проклятье не сработает на тебе, нет... Я просто его немного исправлю. Я проклинаяю тебя... И теперь каждого, кто последует за тобой, будут преследовать неудачи!»

Е Сяотянь был озадачен этим и спросил, «Но если неудачи будут преследовать других людей, то что мне с этого?»

Ян Линь злобно усмехнулся, «Независимо от того как работает проклятие, разве тебе не нужно проявлять уважение к старшим или найти покровителя? Если ты будешь учеником, то неудачи обрушатся на твоего учителя. Если станешь торговцем, то твои партнеры разорятся. Если захочешь стать чиновником, то злой рок начнет преследовать твоих покровителей. Кто бы с тобой не связался, он окажется обреченным на неудачи. Зная это, ты все еще думаешь, что тебе повезло?»

Е Сяотянь потерял дар речи. Прошло немало времени, прежде чем он смог с теплотой в голосе сказать Ян Линь, «Господин Ян!»

«Что?»

«Мы с вами не приходимся друг другу ни родственниками ни друзьями, и когда вас доставили сюда три года назад, я только еще начинал свою работу в тюрьме. Можно сказать, что мы знаем друг друга уже долгое время, но сейчас вы хотите ударить меня в спину. Это заставляет мое сердце наполняться тревогой.»

Ян Линь воскликнул, «Жизнь может продолжиться дальше, если сердце открыто. Старик гниет в тюрьме уже три года и ни один из моих старых друзей не показался здесь, то же и с моими близкими родственниками. В конце я понимаю, что только ты всегда и думал обо мне. Старик хочет лишь немного утешиться».

Е Сяотянь слегка сжал его руку и проговорил с чувством, «Я очень надеюсь, что год спустя в этот же самый день буду отмечать годовщину твоей смерти старый мерзавец...Хах!»

[1] время правления Цзинцзина между 1521 и 1567 годами.

[2] танхулу - засахаренные фрукты на шпажке. Традиционно это был покрытый сахаром китайский боярышник, но сегодня для приготовления угощения применяются не только фрукты, но и томаты, шашлык или цукаты.

<http://tl.rulate.ru/book/4997/103631>